

06
7487

Проф. I. A. Покровскій.

АБСТРАКТНЫЙ И КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ

Гражданскаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“ Б. Подъяческая № 39.
1913.

1986
проф. 1948?

3399

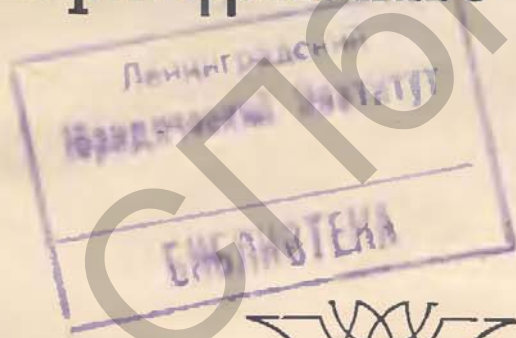
Проф. I. A. Покровскій.

АБСТРАКТНЫЙ И КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ

Гражданскаго Права.

40736 гр.к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“ Б. Подъячская № 39.
1913.

Отдѣльный оттискъ изъ «Вѣстника Гражданскаго Права».

**Абстрактный и конкретный человек передъ
лицомъ гражданского права.**

(Prolegomena къ предстоящему обсужденію проекта обязательственнаго
права).

«Кромѣ непосредственнаго примѣненія на практикѣ, задача закона должна заключаться и въ провозглашеніи и проведеніи въ сознаніе народа возвышенныхъ началъ справедливости». (Объясненія къ 1-му проекту гражд. уложенія, кн. V, т. 5, стр. 377).

I.

Всякій разъ, когда становится на очередь какая-нибудь кодификаціонная работа, юридическая мысль оживляется. И понятно: для нея наступаетъ пора положительнаго творчества, пора застѣва; отъ того, какія сѣмена будутъ ею брошены въ соціальную почву, зависитъ и качество всходовъ.

Въ наступающемъ оживленіи сглаживается черта, отдѣляющая теорію отъ практики; оба русла сливаются: практика начинаетъ обобщать, теоретизировать, теорія направляетъ свое вниманіе на вопросы актуальной жизни.

Въ такіе моменты все обостряется. Все, что болѣло, начинаетъ болѣть сильнѣе; все, что было забыто, начинаетъ взывать къ ожидаемому, грядущему закону. вмѣстѣ съ тѣмъ ярче выявляются всякія противоположности, сильнѣе разгораются старые споры.

Но часто споры эти ведутся только на поверхности. Противники обмѣниваются аргументами и расходятся съ чувствомъ глубокой неудовлетворенности, съ какимъ-то смутнымъ ощущеніемъ взаимной непонятости. Ибо нѣчто самое существен-

ное, то, что часто и заставляетъ спорящихъ быть противниками, осталось гдѣ-то въ глубинѣ нескрытымъ и неразъясненнымъ.

Причина кроется въ слѣдующемъ. Извѣстно, что всякая юридическая норма есть правило поведенія. Пока эта норма дана намъ, какъ дѣйствующій законъ, какъ *lex lata*, непосредственная необходимость заставляетъ насъ приять ее, какъ нѣчто данное, вслѣдствіе чего вопросъ о ея обоснованіи и оправданіи отходить на задній планъ. Но когда жизнь призываетъ насъ къ созданію новой нормы,—а это именно бываетъ въ болѣе широкомъ масштабѣ въ пору кодификаціи,—передъ нами прямо встаетъ вопросъ о критеріяхъ всякой нормы и всякаго права. Тогда мы не только сознаемъ, но всѣмъ существомъ своимъ ощущаемъ, что право есть не «міръ вещей *an sich*», а «міръ вещей *für uns*», и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что конечные критеріи могутъ быть найдены только въ глубинѣ нашего этического сознанія. Если все право есть не что иное, какъ «*Zwangsversuch zum Richtigen*» (Штаммлеръ), то очевидно, что это стремленіе къ правильному, справедливому, должно связывать всю совокупность отдѣльныхъ нормъ права въ одно гармоническое цѣлое, что каждая отдѣльная норма должна находить себѣ оправданіе въ основныхъ этическихъ предпосылкахъ цѣлаго.

Эта непремѣнная зависимость отдѣльныхъ нормъ отъ общихъ этическихъ предпосылокъ сказывается и въ томъ, что споръ о томъ или другомъ конкретномъ вопросѣ права часто вызывается не чѣмъ инымъ, какъ разногласіемъ, быть можетъ, даже не сознаннымъ, въ вопросахъ, глубже конкретной поверхности лежащихъ, разногласіемъ въ болѣе общихъ социальныхъ и этическихъ предпосылкахъ.

При такихъ условіяхъ всякое возможное выясненіе этой социальнo-этической подпочвы представляетъ необходимѣйшее предположеніе для правильной постановки каждаго вопроса. Оно во всякомъ случаѣ обрисовываетъ противоположности въ самомъ ихъ существѣ, а вслѣдствіе этого часто расчищаетъ дорогу и для соглашенія.

Проектъ русскаго гражданскаго уложенія уже вызывалъ и въ литературѣ и въ юридическихъ обществахъ разнообразныя споры. Ожидаемое внесеніе проекта обязательственнаго права, хотя и въ болѣе ограниченной области, возобновить

вѣроятно, старые вопросы. Въ виду этого мнѣ хотѣлось-бы коснуться нѣкоторыхъ изъ нихъ именно съ указанной только что точки зрѣнія, такъ какъ, думается мнѣ, обнаружившіяся по поводу ихъ разногласія выросли на почвѣ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ недоразумѣній.

II.

Какъ извѣстно, еще римскіе юристы говорили, что «*omne jus hominum causa constitutum est*» и что, въ частности, гражданское право имѣетъ въ виду «*singulorum utilitatem*», т. е. интересы отдѣльнаго человѣка. Т. обр. отдѣльный, конкретный, живой человѣкъ составляетъ конечную цѣль, «цѣлевого субъекта» («*Zweckssubjekt*») всего гражданского права; ибо только живой человѣкъ можетъ страдать и радоваться, можетъ имѣть интересы.

Но конкретные, живые люди чрезвычайно разнообразны, безконечно разнообразны ихъ психическія особенности и ихъ внѣшнія положенія,—вслѣдствіе чего такъ же разнообразны и ихъ интересы. Какъ же гражданское право можетъ подойти къ этимъ интересамъ, какъ оно можетъ уловить ихъ?

Для разрѣшенія этой задачи оно пользуется нѣкоторымъ особымъ *приемомъ*.

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ самый механизмъ граждански-правовыхъ нормъ, то мы замѣтимъ, что весь онъ покоится на предположеніи нѣ котораго *абстрактнаго* человѣка, своего рода «*гражданскаго человѣка*». Это есть нѣкоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качествъ, свойственныхъ среднему въ данной соціальной средѣ и въ данное время человѣку. Для римлянъ это былъ нѣкоторый *bonus paterfamilias*; у насъ онъ не имѣетъ особаго имени, но и у насъ эта абстрактная фигура стоитъ передъ глазами, когда мы создаемъ тѣ или другія нормы, когда мы думаемъ о потребностяхъ, когда мы рѣшаемъ вопросъ о наличности вины и т. д.

2 Фигура этого абстрактнаго, «гражданскаго» человѣка не вовсе лишена человѣческихъ качествъ. Она гораздо живѣе и конкретнѣе общаго понятія «субъекта правъ». Это послѣднее понятіе должно охватывать въ себѣ и разные другіе

центры гражданско-правовой жизни (лица юридическія), вслѣдствіе чего при построеніи этого понятія мы поднимаемся въ процессѣ абстрагирования еще выше, отвлекаемся отъ всего человѣческаго и превращаемъ даже самого человѣка въ совершенно формальное явленіе «субъекта правъ», въ нѣкоторое совершенно общее «юридическое представленіе» ¹⁾).

Но когда право приступаетъ къ болѣе конкретному регулированію между-человѣческихъ отношеній, къ «разграниченію человѣческихъ интересовъ», оно неизбѣжно вкладываетъ въ пустыя рамки «общаго юридическаго представленія» о субъектѣ правъ нѣкоторое, болѣе конкретное содержаніе, постулируетъ нѣкоторые интересы и цѣли, нѣкоторое среднее количество разума и чувства и т. д.

Въ виду этого «гражданскій человѣкъ», отражая въ себѣ среднія черты человѣка данной эпохи и даннаго народа, можетъ служить въ далекой исторической перспективѣ извѣстнымъ показателемъ психологическихъ особенностей и психологической эволюціи народа.

Такое оперированіе съ фигурой абстрактнаго, «гражданскаго» человѣка представляетъ естественный вспомогательный приемъ при построеніи нормъ гражданскаго права. Но этотъ приемъ можетъ быть полезенъ лишь при одномъ непремѣнномъ условіи—чтобы не затерялось въ памяти подлинное значеніе этого приема, какъ только вспомогательнаго. Другими словами: чтобы за этимъ абстрактнымъ, «гражданскимъ» человѣкомъ не былъ забытъ конкретный человѣкъ, живая человѣческая личность.

А между тѣмъ въ этомъ отношеніи насъ сторожить двоякая опасность.

Такъ, прежде всего, построеніе «гражданскаго человѣка» тѣмъ легче, чѣмъ психологически однообразнѣе та социальная среда, которая является матерьяломъ для абстрагирования. Въ виду этого подобное абстрагированіе легче для права болѣе древняго, чѣмъ для права болѣе развитаго. Примитивное общество всегда проще и однороднѣе: индивиды, входящіе въ его составъ, не отличаются рѣзко другъ отъ друга ни по своему внѣшнему образу жизни, ни по своимъ потребностямъ,

¹⁾ Ср. напр. *Laband*. Das Staatsrecht des deutschen Reichs. 4-te Aufl. (1901). Bd. I. S. 89 Note 1.

ни по своимъ воззрѣніямъ. Уловить среднія черты человѣка въ такомъ обществѣ легче, и «гражданскій человѣкъ» здѣсь будетъ близко подходить къ конкретному человѣку, къ человѣку просто.

Но процессъ развитія человѣческихъ обществъ есть, какъ извѣстно, процессъ усложненія и дифференціаціи. Общество разслагается на классы, группы; въ связи съ этимъ и психическая жизнь индивида усложняется: разнообразятся внѣшнія условія жизни, потребности, воззрѣнія; черты несходства, «особности» усиливаются. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе дѣлается указанное суммированіе средняго, и во многихъ случаяхъ его попытки могутъ привести только къ констатированію одинаково законныхъ противоположностей. Возведеніе одной изъ этихъ противоположностей на степень общаго, предполагаемаго въ среднемъ человѣкѣ, свойства можетъ при такихъ условіяхъ дать невѣрную директиву для законодательства и привести къ забвенію другой, не менѣе законной, стороны.

Но еще болѣе серьезная опасность лежитъ въ другомъ. Создаваемая воображеніемъ законодателя фигура абстрактнаго, «гражданскаго» человѣка въ процессѣ законодательнаго творчества имѣетъ своимъ назначеніемъ служить только суммированіемъ, отраженіемъ дѣйствительности въ цѣляхъ ориентировки законодателя. По существу такимъ образомъ эта абстрактная фигура есть только извѣстное констатированіе факта: фактъ такихъ-то среднихъ потребностей, такихъ-то среднихъ интересовъ и т. д. Это есть нѣкоторый результатъ своеобразной «моральной» статистики, который мы кладемъ въ основаніе диспозитивныхъ нормъ закона. Но при извѣстной aberratio мысли эта статистическая величина можетъ быть принята за норму, и тогда фактъ превращается въ должное: то, что обыкновенно есть, пріобрѣтаетъ характеръ того, что непременно должно быть. Тогда наша фигура «гражданскаго человѣка» вырастаетъ въ нѣкоторое непогрѣшимое «правило вѣры», въ нѣкотораго давящаго *homo cogens*. Только его интересы суть законные интересы, только его потребности суть разумныя потребности; все же, что отклоняется отъ типа этого «гражданскаго человѣка», начинается казаться чѣмъ-то незаконнымъ, прихотью, не заслуживающей вниманія и покровительства права. И притомъ не потому, что тѣ или другія особенныя потребности или интересы противорѣчатъ

какимъ-либо этическимъ или политическимъ требованіямъ, а просто потому, что они чужды среднему, гражданскому челоѣку. Этотъ послѣдній дѣлается уже самъ по себѣ нормой, закономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прокрустовымъ ложемъ для живой челоѣческой личности.

Исторія цѣлаго ряда вопросовъ служить тому доказательствомъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, ограничиваясь областью обязательственнаго права.

III.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ, стоящихъ у самаго входа въ область обязательственныхъ, договорныхъ отношеній, является вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить договоры только извѣстныхъ опредѣленныхъ *типовъ* или же нужно предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу частному творчеству, признать всякія соглашенія дѣйствительными—лишь бы, разумѣется, они не противорѣчили общимъ требованіямъ права (не противорѣчили закону, добрымъ правамъ, общественному порядку)?

Какъ извѣстно, римское право до конца стояло принципиально на точкѣ зрѣнія юридической силы только типичныхъ договоровъ. Хотя количество этихъ договорныхъ типовъ въ исторіи постепенно росло, тѣмъ не менѣе и въ Юстиниановскомъ правѣ въ качествѣ общаго начала дѣйствуетъ правило «*ex pido pacto actio non oritur*». Подъ вліяніемъ естественно-правовой доктрины, которая провозгласила обратное правило «*pacta sunt servanda*», новѣйшія законодательства, казалось, окончательно порвали съ римскимъ воззрѣніемъ и объявили юридически дѣйствительными всякія соглашенія, хотя бы и не подходящія подъ тотъ или иной предусмотрѣнный въ законѣ типъ. Отказать въ юридической силѣ договорамъ не типичнымъ было бы, говорятъ мотивы къ общегерманскому кодексу ¹⁾, при многообразности современной жизни совершенно невозможно.

¹⁾ Motive. Bd. II. S. 2.

Тѣмъ не менѣе и теперь еще раздаются голоса, требующіе поворота къ точкѣ зрѣнія римской. Такъ наур., даже *Эндеманнъ* относится съ сомнѣніемъ къ расширенію договорной свободы въ этомъ отношеніи. Съ признаніемъ принципа безформальности сдѣлокъ, говоритъ онъ, тѣмъ больше значеніе надо придавать типичности ихъ содержанія. Если договоръ не можетъ быть подведенъ подъ тотъ или иной, закономъ регулированный типъ, судъ долженъ въ признаніи ему отказать ¹⁾.

Не менѣе рѣшительныя мнѣнія въ томъ же смыслѣ высказывались и въ нашемъ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ при обсужденіи проекта гражданскаго уложенія въ 1908 г. ²⁾.

«Существующіе типы договоровъ представляютъ собою въ сущности всѣ возможные случаи комбинацій обязательственныхъ отношеній, допустимыхъ при современной организациі хозяйственной жизни, основанной на свободѣ личности и собственности. Отклоненія отъ этихъ типовъ обыкновенно затрагиваютъ или право личности, или существующую организацию собственности и другихъ, связанныхъ съ нею, формъ обладанія».

«Свобода сдѣлокъ, установленная въ 1 ч. X тома, совершенно отучила судью считаться съ конструкціей этой сдѣлки, на которой основывается разрѣшаемое имъ исковое требованіе. Такимъ образомъ, замкнутость типовъ была бы полезна, какъ въ видахъ воспитанія юридической мысли въ странѣ, такъ и потому, что число имущественныхъ формъ въ настоящее время является въ сущности исчерпывающимъ и въ этомъ смыслѣ расширеніе типовъ сдѣлокъ приводило бы къ распатыванію имущественнаго правооборота».

На этомъ основаніи авторъ приведенныхъ словъ находилъ ст. 1570 проекта, признающую дѣйствительнымъ всякій договоръ «вредной».

Возможно, что та же мысль будетъ выдвинута снова при предстоящемъ обсужденіи проекта обязательственнаго права. Но ясно, что эта мысль есть не что иное, какъ именно указанная *aberratio*. Отношенія нетипичныя, хотя бы они не противорѣ-

¹⁾ *Endemann*. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. 9-te Aufl. Bd. I. (1903). § 108.

²⁾ См. Труды юридическаго общества при Спб. университетѣ. Т. I, стр. 89, 98 (докладъ В. М. Нечаева).

чили ни закону, ни добрымъ правамъ, ни общественному порядку, просто потому, что они не нужны, чужды типичному, «гражданскому» человекъ, объявляются незаслуживающими охраны закона. «Гражданскій человекъ» выступаетъ въ роли «*homo cogens*» и давить конкретнаго человека, отнимая у него возможность регулировать свои конкретныя, нетипичныя отношенія сообразно своимъ индивидуальнымъ потребностямъ.

Любопытно, однако, что даже Эндеманнъ счелъ необходимымъ къ своему вышеприведенному мнѣнію сдѣлать слѣдующую оговорку: «Развѣ бы въ новомъ, нетипичномъ обязательствѣ проявилось юридическое творчество народа»¹⁾. Но вѣдь творчество народа не можетъ проявиться иначе, какъ черезъ посредство творчества отдѣльныхъ лицъ; первое начинается вторымъ, и, если мы отрѣжемъ возможность послѣднему, мы уничтожимъ возможность и перваго.

Но въ этомъ вопросѣ глоса, подобные вышеприведеннымъ, составляютъ исключеніе. Законодательство, повидимому, твердо стоитъ на занятой имъ позиціи и едва ли можно бояться, что оно отъ нея отступитъ. Такое отступленіе было бы во всякомъ случаѣ—и принципиально и практически—огромнымъ шагомъ назадъ.

IV.

Болѣе спорнымъ въ современной теоріи является, какъ извѣстно, другой вопросъ—о допустимости по желанію сторонъ *обязательствъ абстрактныхъ*.

И по этому вопросу при обсужденіи проекта гражданскаго уложенія въ нашемъ юридическомъ обществѣ были высказаны разныя мнѣнія, при чемъ сильно было представлено и мнѣніе отрицательное. Послушаемъ, однако, мотивы. Вотъ что говорилъ одинъ изъ виднѣйшихъ его представителей.

«Вопросъ о сауса, о наличности юридическаго основанія не ставится ни въ какой другой области гражданскихъ правоотношеній, хотя всѣ они покоятся, въ широкомъ смыслѣ, на одномъ и томъ же общехозяйственномъ основаніи. Вопросъ о ней

¹⁾ „es sei denn, dass sich in dem neuen Verpflichtungsverhältnisse eine von der Allgemeinheit des Volkes getragene schöpferische Rechtsbildung kundgäbe“, (l. cit. S. 624—625).

ставится только въ договорномъ правѣ, въ области, отмежеванной преимущественному господству волевого элемента. Здѣсь, гдѣ законъ отказывается отъ непосредственнаго вмѣшательства въ опредѣленіе конкретныхъ, единичныхъ цѣлей гражданъ, предоставляя имъ почти абсолютную свободу самоопредѣленія,—близка опасность окончательнаго разрыва гражданскаго правоотношенія съ основными, необходимыми цѣлями гражданскаго оборота, а слѣдовательно, и гражданскаго закона. Здѣсь необходимо поставить вѣху—указать общій предѣлъ, за которымъ кончается область гражданскихъ правоотношеній и начинается область прихоти, область душевныхъ движеній, имѣющихъ также окраску волевого акта, но не служащихъ тѣмъ основнымъ цѣлямъ общежитія, защиту коихъ только и можетъ принимать на себя гражданскій законъ»¹⁾.

Какъ видимъ, въ существѣ своемъ мотивъ тотъ же, что и въ предыдущемъ случаѣ—боязнь, что юридическая сдѣлка уклонится отъ «основныхъ цѣлей общежитія, защиту коихъ только и можетъ принимать на себя законъ». Все то, что не вливается въ эти общепризнанныя, основныя цѣли общежитія, хотя бы оно, повторяемъ, не противорѣчило ни закону, ни добрымъ нравамъ, ни общественному порядку, составляетъ «область прихоти», которую право должно игнорировать.

Но точно ли это прихоть? Кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что въ данномъ отклоненіи отъ нынѣ общепризнанныхъ основныхъ цѣлей общежитія, отъ нынѣшняго «общехозяйственнаго основанія», не заключается хотя бы того, о чемъ думалъ Эндеманнъ, вводя свою оговорку.

«Гражданскій человекъ», изгнанный въ дверь, какъ видимъ, влѣзаетъ въ окно. Такъ поступаетъ, говорятъ, природа, но увы—не только она одна.

Въ дѣйствительности вопросъ объ абстрактныхъ обязательствахъ, по нашему мнѣнію, лежитъ въ совершенно иной плоскости. Какъ показываетъ исторія, вопросъ этотъ вызванъ къ жизни не такими или иными «прихотями», а потребностями торговаго, т. е. въ высокой степени «хозяйственнаго» оборота. При рѣшеніи этого вопроса дѣло идетъ вовсе не о томъ, допустить или не допустить обязательства *sine causa*—такихъ безпричинныхъ обязательствъ, разумѣется, не бываетъ вовсе,—

¹⁾ М. М. Винаверъ. Изъ области цивилистики. 1908, стр. 195.

дѣло идетъ лишь о томъ, можетъ ли обязательство быть признано дѣйствительнымъ *безъ указанія* своей *causa*, безъ *непремѣннаго* и *немедленнаго* предъявленія ея суду. И въ конечномъ счетѣ это вопросъ довѣрія къ участникамъ оборота, вопросъ—я бы сказала—государственной деликатности. Требованіе *непремѣннаго* обнаруженія при самомъ предъявленіи иска *causa obligationis* представляетъ по существу требованіе раскрыть передъ судомъ чемоданъ съ вещами для просмотра его *содержимаго съ точки зрѣнія* его юридической легальности. Такому просмотру подвергается прежде всего и чаще всего самый «гражданскій человекъ». Вопросъ о признаніи или непризнаніи абстрактныхъ обязательствъ при такихъ условіяхъ есть прежде всего вопросъ объ отношеніи закона къ самому «гражданскому человеку», вопросъ о довѣрїи или недовѣрїи къ нему. Новѣйшія европейскія законодательства, какъ извѣстно, рѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ довѣрія¹⁾. Но, вѣдь, въ Европѣ и при переездѣ черезъ границы рѣдко приходится раскрывать свои чемоданы...

V.

Представленіе объ абстрактномъ «гражданскомъ» человекѣ, какъ о нѣкоторой *нормѣ* того, что единственно заслуживаетъ охраны, играетъ большую роль и въ *вопросѣ* о признаніи или непризнаніи *обязательствъ на дѣйствія* *неимущественнаго характера*, *вопросѣ*, который также былъ неоднократно предметомъ обсужденія въ нашемъ юридическомъ обществѣ²⁾.

Естественно, что съ точки зрѣнія «хозяйственности» какъ единственнаго разумнаго базиса всего гражданского права, отношенія неимущественныя будутъ выходить за предѣлы этого послѣдняго. Средній «гражданскій» человекъ рисуется, какъ существо, живущее *только интересами* *имущественными*, какъ блаженной памяти бывшій *вѣкогда* въ большомъ ходу «экономическій человекъ». Но жизнь выросла уже изъ этого пред-

1) BGB. § 780, швейц. ул. объ обязательствахъ, § 17. См. обстоятельную аргументацію въ Protokolle. Bd. II. S. 499-508.

2) См. Труды, т. I, I. cit., а также пренія по поводу доклада г. Бѣляцкина—Труды, т. IV.

ставленія; нынѣшній, даже средній, шаблонный человекъ уже цѣнитъ извѣстныя неимущественныя блага—имя, честь и т. д.— и требуетъ для нихъ какой-нибудь, хотя бы и несовершенной, охраны. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эти запросы будутъ расти. Не вдаваясь глубже въ этотъ вопросъ, скажемъ только словами германской комиссiи:

«У высоко-культурнаго народа обязательство имѣетъ своею задачей обеспечивать не только матеріальныя блага, но и блага идеальныя, значеніе и цѣнность которыхъ растутъ вмѣстѣ съ ростомъ культуры» ¹⁾).

«Гражданскій человекъ» переросъ «человѣка экономическаго», впиталъ въ себя нѣкоторую дозу духовности, идеальности.

Но вопросъ идетъ дальше. Если признать, что имущественный характеръ не составляетъ неизмѣннаго признака обязательства, то не получимъ ли мы чрезмѣрнаго и опаснаго расширенія сферы гражданскаго права? Не слѣдуетъ ли здѣсь тѣмъ болѣе поставить какую-либо «вѣху»?

Прежде всего нужно напомнить, что «вѣхи» уже стоятъ: съ одной стороны—непротивность закону, добрымъ нравамъ и т. д., а съ другой стороны—общая для всякаго обязательства «вѣха»—необходимость юридическаго *animus obligandi*. Въ силу послѣдней сами собой отпадаютъ тѣ «жупелы», которыми пытаются терроризировать въ нашемъ вопросѣ,—различныя обѣщанія протанцовать вальсъ на балу, пожаловать къ обѣду и т. д. Нужны ли еще какія-либо особыя «вѣхи» сверхъ того?

И многіе отвѣчаютъ: да, необходимъ «серьезный» интересъ, «достойный охраны» интересъ, «ein schutzwürdiges Interesse». Необходима «абстрактная цѣнность, хотя бы и неимущественная, но цѣнность съ точки зрѣнія оборота, съ точки зрѣнія общества», при-чемъ, разумѣется, «въ вопросѣ о серьезности интереса суду должна принадлежать опекающая роль» ¹⁾).

Какъ видимъ, тотъ «гражданскій человекъ», о которомъ только что было сказано, какъ о переросшемъ стараго «экономическаго человека», снова выступаетъ въ качествѣ прину-

¹⁾ Protokolle. Bd. I. S. 281.

дителяго «homo cogens». Онъ впиталъ въ себя извѣстную дозу духовности, но только эту дозу онъ готовъ признать и поставить подъ защиту «опекающаго суда»; все же остальное, все выходящее за предѣлы этой дозы, есть индивидуальная «прихоть», вступаться за которую для суда какъ-то даже зазорно ¹⁾).

«Гражданскій человекъ», напр., уже цѣнить идеальное благо ночного спокойствія (отдыхъ нуженъ и для человека коммерческаго), и потому возможно, что договоръ съ сосѣдними жильцами о томъ, чтобы они не играли послѣ 10 ч. вечера, будетъ признавъ «опекающимъ судомъ» достойнымъ охраны. Но я далеко не увѣренъ въ судьбѣ договора о томъ, чтобы сосѣдъ не игралъ только извѣстной пьесы, которая тяжела для меня въ силу какихъ-нибудь воспоминаній. Не будетъ ли это признано прихотью? «Абстрактной цѣнности», «цѣнности съ точки зрѣнія оборота» содержаніе нашего договора несомнѣнно не имѣетъ. А между тѣмъ для меня это вопросъ огромной важности, вопросъ всего моего психическаго равновѣсія, и если «опекающій судъ» признаетъ мой договоръ недействительнымъ, онъ принесетъ меня, живую человеческую личность, въ жертву абстрактному «гражданскому человеку», человеку «оборота».

Имѣете ли вы на это право? Думаю, что истинно-культурное правосознаніе должно отвѣтить «нѣтъ». Пусть жизнь моя сложилась особенно, пусть я сталъ чувствителенъ къ тому, къ чему равнодушны другіе,—но вѣдь надо же жить и мнѣ. Пусть я чудакъ, но я все же человекъ, и если право желаетъ докончить свою задачу, оно должно признать и *право чудака на существованіе*.

И снова я съ полнымъ признаніемъ могу привести высокознаменательныя слова той же германской комиссіи:

«Надо предоставить индивиду право заключать договоры даже необычнаго содержанія;... достоинъ охраны (schutzwürdig) всякій интересъ, который не нарушаетъ границъ закона или индивидуальной свободы. Нѣтъ надобности въ иныхъ границахъ («вѣкахъ»), кромѣ той, которая тре-

¹⁾ См. мнѣніе меньшинства въ германской комиссіи: «es würde... der Gerichtsgewalt eine *unwürdige* Aufgabe angesonnen werden». Protokolle. I. cit.

буеть, чтобы обязательство не противорѣчило закону или добрымъ нравамъ»¹⁾).

VI.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ. Какъ извѣстно, общимъ правиломъ всякаго культурнаго гражданскаго права является признаніе сдѣлокъ, заключенныхъ подъ вліяніемъ *принужденія*, недѣйствительными. Но что такое то принужденіе, которое можетъ послужить достаточнымъ основаніемъ для испроверженія сдѣлки?

Какъ извѣстно, римское право первоначально держалось той точки зрѣнія, что принужденіе, вообще, не можетъ служить обстоятельствомъ, способнымъ опорочить сдѣлку: *coactus tamen volui*. Лишь въ эпоху преторскаго вліянія оно оставило эту точку зрѣнія, но римскіе юристы все же еще учатъ, что сдѣлка можетъ быть уничтожена лишь при наличности *основательной* угрозы—*metus non vani hominis, sed qui merito et in homine constantissimo cadat*. Съ той поры ученіе о необходимости основательнаго страха стало общимъ мѣстомъ въ доктринѣ гражданскаго права.

Угроза, говорятъ, должна быть такою, чтобы она могла оказать вліяніе и на *человѣка разсудительнаго*. Не требуется, правда, особенной храбрости, но въ то же время нельзя обращать вниманіе на чрезмѣрную трусость. Слѣдуетъ спускаться къ болѣзни, старости или женской слабости, но не ко всякой трусливости вообще²⁾).

Необходима, далѣе, согласно общему ученію угроза *серьезнымъ зломъ*, т. е. чтобы она направлялась на такое или иное существенное благо, напр., жизнь, здоровье, свободу или имущество самого потерпѣвшаго, или кого-нибудь изъ его близкихъ.

Въ связи съ этой доктриной находятся и соотвѣтственныя легальныя опредѣленія понятія принужденія. Такъ, напр., ст. 61 нашего проекта опредѣляетъ:

«Изъявленіе воли признается послѣдовавшимъ подъ вліяніемъ принужденія, когда оно выпущдено насиліемъ, лише-

¹⁾ Protokolle, I. cit.

²⁾ Ср., напр., *Regelsberger*. Pandekten. Bd. I. S. 530—531.

віемъ свободы, и стязаніемъ или возбужденіемъ страха угрозою нанести личный или имущественный вредъ совершившему сдѣлку или кому-нибудь изъ его близкихъ».

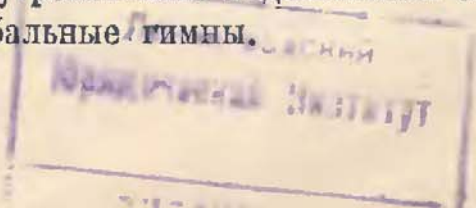
Опредѣленія эти могутъ быть нѣсколько шире или нѣсколько уже, но, во всякомъ случаѣ, безспорно одно: возможно такое принужденіе, которое, несомнѣнно, вызвало заключеніе сдѣлки, но которое не подойдетъ подъ законодательное опредѣленіе и потому не сможетъ послужить основаніемъ для ниспроверженія обязательства. Говоря иначе, возможны случаи, хотя и безспорнаго, но съ точки зрѣнія закона неосновательнаго страха: нѣкто испугался тамъ, гдѣ обыкновенный, средній человекъ не испугался бы, или испугался за такое благо, за которое обыкновенно не пугаются.

Снова, какъ видимъ, на законодательной сценѣ появляется нашъ «гражданскій человекъ», надѣленный нѣкоторой средней дозой храбрости и чувствительности, и притомъ снова въ роли нѣкотораго принудительнаго homo cogens: всѣ тѣ, кто не обладаютъ присущей ему дозой храбрости или, наоборотъ, обладаютъ излишней чувствительностью, объявляются лишенными покровительства закона. Законъ, говорятъ намъ, долженъ считаться съ нормальнымъ человекомъ, а не съ чрезмѣрною трусостью или особою прихотью отдѣльных, конкретныхъ лицъ.

Но такъ ли это? Правильно ли самое это положеніе?

Возьмемъ въ видѣ базиса цитированную ст. 61 нашего проекта, гдѣ говорится объ угрозахъ причинить вредъ самому «совершившему сдѣлку или кому-нибудь изъ его близкихъ». Какъ быть въ томъ случаѣ, если обязательство было вынуждено угрозой убить человека только знакомаго, или даже вовсе незнакомаго, а просто человека? Пусть средній «гражданскій» человекъ дорожитъ жизнью только своею да своихъ «близкихъ», но все же могутъ найтись лица внѣ нормы, для которыхъ подобная угроза можетъ быть пострашнѣе угрозы нанести имущественный вредъ имъ самимъ. Неужели мы должны, даже при полномъ признаніи въ угрозу виновника, признать сдѣлку нерасторжимой; неужели мы должны страхъ въ нашемъ случаѣ квалифицировать, какъ прихоть?

Или: вы вслѣдствіе пережитыхъ вами личныхъ потерь не можете слышать похороннаго пѣнія; провѣдавъ про это, я вынуждаю у васъ обязательство угрозой пѣть подъ вашими окнами или у васъ за стѣной погребальныя гимны.

Наконецъ, возьмемъ школьный примѣръ неосновательнаго страха, приводимый въ учебникахъ — угроза перестать кланяться или не подать руки въ обществѣ¹⁾. Точно ли это такая угроза, которая при всякихъ обстоятельствахъ будетъ угрозой пустой? Представьте себѣ, что насчетъ васъ пошли какіе-то темные слухи, что вокругъ вашего имени сплетается какая-то удушливая сѣть неуволимой клеветы, подозрѣній и т. д. Представьте себѣ при такихъ условіяхъ, что я, доселѣ вашъ общеизвѣстный другъ, бросаю вамъ угрозу не подать руки въ обществѣ, если вы не подпишете въ мою пользу обязательства. Вѣдь мой отказъ подать вамъ руку будетъ истолкованъ, какъ косвенное подтвержденіе всѣхъ этихъ темныхъ слуховъ.

И какой бы примѣръ «очевидно пустой» угрозы ни привели, всегда можно представить себѣ такое стеченіе обстоятельствъ, при которыхъ она можетъ имѣть *in concreto* значеніе болѣе могущественное, чѣмъ многія другія, закономъ признанныя.

Обо всемъ этомъ мнѣ уже приходилось говорить въ печати по поводу вышеприведенной ст. 61 нашего проекта²⁾. Я указывалъ на полную несправедливость какихъ-либо ограниченій въ понятіи угрозы и приводилъ примѣръ того же германскаго уложенія, которое въ своемъ § 13 всякія ограниченія подобнаго рода отбросило. Я говорилъ: «Пусть даже боязнь даннаго лица является смѣшной и нелѣпой, но неужели слѣдуетъ допустить, чтобы этотъ психическій дефектъ могъ стать источникомъ доходовъ для всякихъ ловкихъ и охочихъ людей?»

На всѣ эти замѣчанія редакціонная комиссія въ своихъ объясненіяхъ ко 2-й редакціи проекта по существу отвѣтила однимъ: «Допущеніе оспариванія сдѣлокъ въ указанныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ лишило бы самое понятіе угрозы всякой опредѣленности и для устойчивости пріобрѣтенныхъ правъ представляло бы существенную опасность»³⁾.

«Лишило бы самое понятіе угрозы всякой опредѣленности!» Выходитъ какъ-будто, что жизнь существуетъ для того, чтобы

1) Ср. *Шершеневичъ*. Учебникъ русскаго гражд. права. Изд. 10-е (1912), стр. 180.

2) «Юридическія сдѣлки въ проектѣ гражд. уложенія» въ «Вѣстникѣ Права» 1904 г., кн. I.

3) Проектъ. Вторая редакція съ объясненіями. Стр. 20.

понятіе угрозы было опредѣленнымъ, что человекъ для субботы, а не суббота для человека. Мы же думаемъ, что юридически угроза должна быть всегда тамъ, гдѣ она есть въ жизни, а въ жизни она можетъ вылиться въ самыя разнообразныя формы. Правильно говорить *Дернбургъ*: «Тѣлесная и духовная слабость, нервозность, особенно опасное положеніе... можетъ сдѣлать внушительной такую угрозу, которая при обыкновенныхъ условіяхъ не имѣла бы значенія. Но, само собою разумѣется, подвергнувшійся угрозѣ долженъ доказать, что именно угроза вынудила его волеизъявленіе».

«Для устойчивости пріобрѣтенныхъ правъ представляло бы существенную опасность!» Но, во-первыхъ, составители германскаго уложенія едва ли меньше заботились объ этой устойчивости, чѣмъ наши редакторы. А во-вторыхъ, «устойчивость пріобрѣтенныхъ правъ» не есть постулатъ самодовлѣющей и абсолютной. Съ точки зрѣнія одной устойчивости надо было бы отвергнуть оспариваніе сдѣлокъ вслѣдствіе ошибки, а въ области принужденія вернуться къ старому римскому правилу— «*coactus tamen volui*». При извѣстныхъ условіяхъ эта устойчивость будетъ устойчивостью зла и беспомощностью права.

Уже только-что приведенные примѣры иллюстрируютъ то положеніе вещей, которое узаконяется нашимъ проектомъ. Человекъ первый или слабый легко можетъ сдѣлаться чуть не пожизненной жертвой самой неблагоприятной эксплуатаціи. Ибо куда бѣжать ему отъ «ловкаго человека», постигшаго его слабость и увѣреннаго въ заботѣ закона объ «устойчивости пріобрѣтенныхъ правъ»? Куда бы онъ ни ушелъ, «ловкій человекъ» найдетъ его вездѣ и будетъ сосать изъ него кровь.

Извѣстно, насколько въ настоящее время уголовное право озабочено аналогичной (хотя и болѣе узкой) проблемой *шантажа*, этого «паразита общественной жизни». Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о немъ одинъ изъ специалистовъ вопроса ¹⁾:

«Передъ безконечными, постоянно растущими требованіями шантажиста едва ли устоитъ даже весьма значительное состояніе; жертва, мучимая тревогой и страхомъ, непрерывно нервируемая, утрачиваетъ правильное представленіе о своемъ положеніи и видитъ часто единственный выходъ въ самоубійствѣ».

¹⁾ *J. Reinhold*. Die Chantage. 1909. S. 96—97.

Но далеко ли ушли отъ шантажа случаи, подобные выше-приведеннымъ? Быть можетъ, они не подойдутъ подъ уголовно-наказуемое понятіе шантажа ¹⁾, но социальная характеристика ихъ отъ этого не измѣнится. Можно не ставить вопроса о тюрьмѣ для подобныхъ героевъ легкой наживы, но едва ли можно санкціонировать эту наживу.

Забота объ «устойчивости пріобрѣтенныхъ правъ» превращается здѣсь въ охрану самыхъ низкихъ мотивовъ и возбужденіе самыхъ анти-соціальныхъ аппетитовъ. Пусть жертвой этихъ аппетитовъ является человѣкъ слабый или страпный, больной или чудакъ, но надо же дать жить и ему. Надо и здѣсь признать и во всеуслышаніе провозгласить опять-таки то же самое *право чудака на существованіе*.

Иначе наша охрана «устойчивости пріобрѣтенныхъ правъ» на языкѣ «оборота» будетъ переведена старымъ правилѣмъ базарной морали—«*дураковъ учить нѣдо!*»!

Если бы даже насъ не заботила судьба «дураковъ», подумаемъ о томъ, какихъ *умниковъ* мы создаемъ нашей нормой. Если намъ безразличны слабые, подумаемъ о томъ, какихъ «*сильныхъ*» мы множимъ!

Это какая-то своеобразная «*ставка на сильныхъ*», но въ этихъ «*ставкахъ*» такъ часто проигрывается народная честность...

VII.

Мы пересмотрѣли рядъ весьма существенныхъ вопросовъ обязательственнаго права. Мы видѣли, какъ въ каждомъ изъ нихъ въ большей или меньшей степени прорывается возрѣніе, что цѣлевымъ субъектомъ гражданскаго права является не человѣкъ *in concreto*, а нѣкоторая абстракція—человѣкъ, какъ нѣкоторая средняя, родовая сущность. Въ однихъ вопросахъ это возрѣніе уже отходитъ въ прошлое, но зато въ другихъ оно еще упорно держится.

То же самое мы могли бы констатировать и въ другихъ областяхъ гражданскаго права. Всѣ отдѣльныя проявленія этого

¹⁾ Это послѣднее обыкновенно охватываетъ лишь угрозы сообщенія какихъ-либо позорящихъ свѣдѣній.—См. *Reinhold. l. cit. S. 103.*

воззрѣнія отнюдь не случайны; мы имѣемъ дѣло съ цѣльнымъ и совершенно опредѣленнымъ умонастроениемъ, составляющимъ одно изъ сильнѣйшихъ подпочвенныхъ теченій въ сферѣ нашего гражданского права. Сплошь и рядомъ оно не сознается во всей его отчетливости самими его носителями, но иногда оно выливается въ цѣлую стройную теорію о самомъ понятіи субъекта правъ и о субъективномъ правѣ вообще.

Если обычныя среднія потребности, обычныя среднія цѣли человека суть единственно законныя, если только онѣ заслуживаютъ охраны, то естественно, что самое понятіе личности, какъ субъекта правъ, блекнетъ и отодвигается на второй планъ, заслоняясь этими средними и общепризнанными цѣлями. Понятно поэтому, съ этой точки зрѣнія, желаніе выбросить вовсе изъ общаго ученія о правѣ идею субъекта правъ, замѣнивъ ее идеей *правовыхъ цѣлей*.

Любопытно въ этомъ отношеніи уже отмѣченное въ русской литературѣ ученіе *Густава Шварца* ¹⁾. Всякое имущество принадлежитъ не кому-нибудь, а чему-нибудь, т. е. предназначено на служеніе тѣмъ или другимъ признаннымъ правомъ цѣлямъ. Человекъ не субъектъ правъ, а объектъ правовой заботы, общеюридическаго призрѣнія; онъ не творецъ своихъ цѣлей, а лишь представитель имущества, предназначеннаго служить объективно-признаннымъ цѣлямъ. Если несовершеннолѣтній достигаетъ совершеннолѣтія, то этимъ самымъ онъ лишь вступаетъ на то мѣсто, которое до сихъ поръ занималъ его опекунъ; онъ т. ск. дѣлается опекуномъ самого себя. А такъ какъ дѣятельность опекуна руководится лишь средними цѣлями обычнаго средняго человека, то ясно, что и для каждаго конкретнаго человека эти среднія цѣли возводятся въ рангъ нормы, за границами которой находится прихоть, могущая повести къ отстраненію одного опекуна (само-опекуна) и къ замѣнѣ его другимъ (подлиннымъ опекуномъ). Среднія, «общехозяйственныя» цѣли ипостазируются и приобрѣтаютъ нѣкоторое самодовлѣющее, надъ-человѣческое существованіе. «*Rechtssubjekt*» не нуженъ, ибо онъ исчезаетъ за высшей инстанціей—«*Rechtsw Zweck*».

Логическимъ неизбѣжнымъ продолженіемъ подобной теоріи

¹⁾ *Rechtssubjekt und Rechtsw Zweck* въ *Archiv für bürgerliches Recht* Bd. 32 (1908) и Bd. 35 (1910).—Ср. *Гинсх.* «Право» за 1912 г. № 46.

является учение о томъ, что самое понятіе субъективнаго права есть нѣкоторый юридическій *popseps*. Извѣстенъ въ этомъ смыслѣ своего рода манифестъ *Дюгги*, провозглашающій гибель идеи субъективнаго права и установленіе новаго общества на основѣ права объективнаго, возлагающаго на каждого социальное обязательство выполнять извѣстную миссію и превращающаго всякое право въ социальную функцію, въ «*une fonction sociale*»¹⁾).

И вспоминается мнѣ при этихъ словахъ далекое прошлое. Вспоминается мнѣ, что этими же самыми словами опредѣлялось положеніе человѣка въ другомъ—давно исчезнувшемъ—обществѣ: каждый человѣкъ, каждое сословіе несло по отношенію къ государству такую или иную *functio*, а всѣ вмѣстѣ были, по выраженію Симмаха, «рабствующими отечеству»—*servientes patriae*. Это было общество эпохи государственнаго и социальнаго разложенія стараго Рима; это было время установленія римскаго крѣпостнаго права—колоната—и общаго прикрѣпленія всѣхъ сословій. Это было время, когда «субъективныя права» гордаго гражданина римской республики, члена «Его Величества Римскаго Народа» уступали мѣсто объективному безправію подданныхъ (*subjecti*) передъ лицомъ Византійскаго монарха...

Но заглянемъ въ исторію идей — и мы найдемъ тамъ общій источникъ нашего умонастроенія. Мы увидимъ, что оно не отблескъ новой зари, а послѣднія волны расходящагося тумана. Вотъ что говоритъ намъ компетентный авторъ²⁾.

«Если бы мы поставили своей цѣлью выяснитъ, какое пониманіе личности скрывалось за французскими идеями равенства и свободы..., мы придемъ къ результату въ высшей степени любопытному. Мы увидимъ, что это было то же самое пониманіе, которое получило свою теоретическую формулировку въ нѣмецкой философіи, и прежде всего у Канта. Это было общее рационалистическое опредѣленіе личности въ ея *общей и отвлеченной основѣ, которую каждый человекъ имѣетъ въ себѣ наряду со всѣми другими,—опредѣленіе личности признаками не индивидуальными, а родовыми.*

1) *Duguit*. Le droit social, droit individuel et la transformation de l'état 1908, въ особ. р. 12 и 21.

2) *Новгородцевъ*. Кризисъ современнаго правосознанія. 1909. Стр. 259 и сл.

Когда французскіе мыслители XVIII вѣка говорили о человекѣ, они имѣли въ виду *человѣка отвлеченнаго, повсюду имѣющаго одну и ту же природу, а слѣдовательно одни и тѣ же потребности и притязанія*.

«Въ этой системѣ возрѣній все частное, своеобразное, особенное устраняется, какъ незаконное и не имѣющее нравственнаго оправданія. Оно разсматривается, какъ досадное противорѣчіе разумному закону, какъ источникъ безпорядка и несовершенства».

Эта общая предпосылка остается основой цѣлаго ряда ученій и въ XIX столѣтіи, даже ученій, повидимому, далеко отошедшихъ какъ отъ французской философіи XVIII вѣка, такъ и отъ Канта или Гегеля—напр. ученій Фейербаха, Маркса или Лассаля.

«Для всѣхъ этихъ мыслителей характерно то, что они берутъ исходнымъ пунктомъ человекѣ, отдѣльную личность, но не саму по себѣ, а въ ея общей, родовой сущности и въ соотвѣтствіи съ этимъ приходятъ къ подчиненію лица объемлющимъ его союзамъ».

Много смѣнилось ученій. «Одни изъ нихъ обѣщали людямъ равенство и свободу, другія полноту нравственнаго развитія, третьи, сверхъ этого, еще и матеріальное счастье. Но при всѣхъ различіяхъ, они сходились во взглядѣ на личность, какъ на родовую сущность, и во взглядѣ на государство, какъ на единственный путь къ устроенію и усовершенствованію личности».

Вотъ гдѣ кроется общій источникъ отмѣченныхъ нами явленій въ области нашей цивилистической науки. Мы видимъ, т. обр., что это только отголоски болѣе глубокаго, подъ почвой скрытаго теченія.

Но это теченіе изсякаетъ. XIX вѣкъ выставилъ и съ подчеркнутой силой развилъ иное пониманіе личности, именно то, *которое беретъ человекѣ во всемъ богатствѣ его своеобразныхъ особенностей и творческихъ проявленій*. Это новое пониманіе личности требуетъ своего осуществленія и въ нашемъ гражданскомъ правѣ. Не человекѣ in abstracto долженъ быть конечною цѣлью этого послѣдняго, а живая, конкретная человѣческая личность.

«Не всегда, говоритъ *Зомъ*¹⁾, существовало гражданское право. Въ началѣ развитія господствуетъ наивный коммунизмъ, который трактуетъ національное имущество, какъ общее достояніе всѣхъ гражданъ, и регулируетъ его распредѣленіе публично-правовыми способами. Въ древнія времена живетъ только народъ, масса; публичное право все. Лишь постепенно возникаетъ гражданское право. Но его появленіе обозначаетъ выступленіе личности, индивида. Рядомъ съ народомъ появляется другая великая держава исторіи, сознающая себя личность. Она беретъ въ свои руки дѣло человѣческаго прогресса; она прозрѣваетъ и ставитъ высшія цѣли культурнаго существованія, она будитъ и увлекаетъ за собой другихъ къ болѣе благородному бытію. Это она похищаетъ огонь у боговъ, чтобы затѣмъ яркимъ факеломъ освѣщать дорогу народу. На развитіи свободныхъ, ведущихъ впередъ индивидуальностей покоится сила самого народа, покоится развитіе его культуры. Чѣмъ больше такихъ индивидуальностей, тѣмъ выше народная мощь, тѣмъ богаче его культура».

I. Покровскій.

1) *Sohm. Bürgerliches Recht* въ *Systematische Rechtswissenschaft* (серія „Kultur der Gegenwart“). 1906. S. 1—2.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
14	34	1)	2)

Кромѣ того на этой страницѣ опущено примѣчаніе:

2) Труды Юридическаго О-ва Т. I стр. 108 (слова Л. С. Таля).

